

УДК 81'42(045)

*С.Г. Шейдаева***ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: «НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ» И ДРУГИЕ ЖАНРЫ**

В статье рассматриваются вопросы теории и практики филологического анализа текста; делается акцент на том, что текст является одним из основных объектов исследования во всех филологических науках и в рамках филологического анализа оказываются объединенными подходы каждой из этих наук. Одними из наиболее явно отражающих данное направление являются работы Б.И. Осипова, посвященные исследованию «народных мемуаров». В нашей статье данный подход применен к анализу речи Деда Мороза, написанной сельским работником культуры и произнесенной автором на детском утреннике в 1968 г. Предназначенная для разновозрастной аудитории (дети, воспитатели, родители) речь варьируется и тематически, и в выборе языковых средств, а для взрослых слушателей имеется легко прочитываемый социальный подтекст. Объединяющим признаком данного текста является его коммуникативность: используются прямые обращения, высказывания, направленные на диалог с аудиторией, учитываются интересы слушателей в отборе тем, осуществляется регулярный переход от общих положений к конкретным примерам, от вымысла к реальности. Данный текст в полной мере является продуктом русской языковой картины мира с ее позитивным отражением действительности, утверждением приоритета внутреннего над внешним, юмористичностью и др. Тексты такого рода создавались (создаются) в России повсеместно, существуют образцы их написания, однако в каждом конкретном новогоднем обращении всегда присутствуют местные речевые черты, отражение социокультурной ситуации, проявление личности автора текста.

Ключевые слова: русский язык, филологический анализ текста, новогодняя речь.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1243-1258

Традиционно в рамках филологического анализа текста основным объектом исследования является **художественный текст** как коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью. Сам анализ связан с проникновением в содержание текста и его истолкованием, при этом в процессе исследования и описания результатов предполагается соединение литературоведческого, лингвистического и культурно-исторического анализа. Важными составляющими такого анализа являются автор, читатель, отображаемая действительность и языковая система, позволяющая воплотить творческий замысел.

В публикациях по **лингвистическому анализу текста** (работы И.Р. Гальперина, Н.Н. Болдиной, Н.А. Фатеевой, Т.В. Романовой, Е.В. Головиной и др.) представлен как традиционный подход, в соответствии с которым лингвистическая сторона исследования связана с «разысканием тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка» [10, с. 3], так и, гораздо чаще, более широкое понимание лингвистического анализа текста как направленного на постижение его предметно-логического содержания, фактической и концептуальной информации. Современный лингвистический анализ не замыкается на «выразительных элементах языка», от языковых фактов идет к выводам социокультурного и когнитивного характера, включает анализ языковой личности автора текста, его взгляд на мир. «Современная теория текста направлена прежде всего на понимание мира и человека, включенного в него» [2, с. 397].

Такой подход представлен, в частности, в учебнике, написанном коллективом авторов из Екатеринбурга (Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казаринов), в котором художественный текст рассматривается как «словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь, также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [4, с. 64].

В рецензии на эту работу Л.М. Алексеева подчеркивает, что авторы учебника рассматривают **текст как речевую деятельность**, структура которой, помимо текста, включает еще и его отправителя, получателя, саму отображаемую действительность, знания [2]. Такая широкая трактовка текста по существу приближает его к понятию дискурса, в связи с чем используются психолингвистический, прагматический, деривационный и когнитивный подходы к изучению текста [4, с. 396-397], выделяются

такие свойства «пространства текста», как объемность, открытость, способность выявлять не только эксплицитные, но и имплицитные смыслы.

Расширение понятия лингвистического анализа текста связано с переходом языкознания к антропоцентрической парадигме, в центре которой находится человек. Можно сказать, что этот новый подход к исследованию органично входит в общий филологический анализ текста, включающий в настоящее время, помимо литературоведческого и лингвистического подходов, также и культурно-исторический анализ. В результате становится возможным осуществить комплексное исследование текста, выявить его эстетическую, языковую и культурную значимость.

Спецификой лингвистики является то, что в ней объектом исследования являются не только художественные тексты. Под термином **текст** понимается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [18, с. 507]. В связи с этим и понятие филологического анализа текста становится более объемным, включающим **анализ текстов разного типа**, в том числе устных. В любом авторском тексте в той или иной мере отражена картина мира создателя текста, его знания и ценностные установки, направленность на соответствующую аудиторию, социальная ситуация.

Поскольку в основе филологического исследования лежит проникновение в содержание текста и его истолкование, то из лингвистического арсенала оказываются, прежде всего, востребованными **методы семантического анализа** с двумя дополняющим друг друга подходами – ономаσιологическим (выявление принципов и способов наименования объектов) и семасиологическим (раскрытие содержания языковых единиц). С обоими подходами непосредственно связан **концептуальный анализ текста** (выявление наиболее актуальных смыслов, выраженных языковыми средствами) как основа лингвокультурологического (определение личностной и культурно значимой интерпретации действительности) и лингвокогнитивного (выявление личностных знаний автора текста и его структуры мира) подходов.

Помимо этого, в комплексный филологический анализ, естественно, входит традиционное жанрово-стилистическое исследование конкретного текста, а также методы социолингвистики (выявление роли социолингвистических переменных), дискурсивного анализа (текст как единица повседневной жизненной практики человека) и др. И хотя сложно охватить все эти аспекты в одном исследовании, однако ограничивать сферу филологического анализа текста, даже и художественного, известной схемой «тип текста, тема, структура, внутритекстовые связи, стилистические особенности, прагматика» уже недостаточно.

На наш взгляд, актуальным и новым для современной филологии является **филологический анализ «непрофессиональных» текстов**, в том числе создаваемых для произнесения на публике. Обладая всеми признаками и функциями текста, такие произведения ярко отражают индивидуальность автора из народа, его картину мира, а также специфические черты языка эпохи.

Одним из лингвистов, анализировавшим не только произведения известных писателей и поэтов, был профессор **Борис Иванович Осипов** (1938 – 2018 гг.). Как лингвист-теоретик и практик Осипов открыл для науки **новый объект филологического анализа текста** – записки людей из народа, носителей разных социальных вариантов современного русского языка. В этом проявились и его любовь к живому языку, и глубокие познания в области лингвистической теории, и творческий подход к профессии филолога. В своих комментариях он дает не только анализ языковых особенностей этих текстов, но также обращается к их эстетической, социальной и культурной составляющей.

Специалистам в области русской филологии более известны такие работы Осипова, как «История русского письма» (1990, 2012), «История русской орфографии и пунктуации» (1992), «Краткий курс русской фонетики» (1992, 2005), «Краткий курс русского языка» (2001), «Основы славянского языкознания» (2004), «Судьбы русского письма» (2010), «К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи». Т. 1, 2 (2014, 2015), «Основы языкознания» (2017) и др. Глубокие, точные по языку и мысли, наполненные богатым фактическим материалом, книги Осипова для многих вузовских преподавателей являются руководством в практике обучения студентов. Все, кто был знаком с Б. И. Осиповым, знали его как творческого человека, талант которого проявлялся во всем, что бы он ни делал, – рисовал, писал стихи, художественную прозу, яркие публицистические и научные работы и т.д.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает его обращение к текстам, созданным в российской «глубинке», и прежде всего, как он сам их называл, **«народным мемуарам»** – воспоминаниям простых людей. Как пишет Осипов, «книги подобного рода большей частью выходят в провинции. И это понятно: провинциал в наибольшей степени ощущает опасность бесследного исчезновения своей личности, своего

поколения, своих культурно-исторических установок, наконец, своих обид, хотя бы и личных» [22, с. 379]. Б. И. Осипов не только готовил такие рукописи к изданию, но и писал к ним лингвистические и историко-культурные комментарии. Были подготовлены к печати и изданы автобиографические записки сибирского крестьянина, воспоминания работницы, автобиографическая повесть сельского учителя, солдатские воспоминания, записки районного служащего. Борис Иванович подчеркивал, что это не только «памятники народно-разговорной речи и как особый вид фольклора, получивший наименование «наивного письма» [22, с. 409], но и своего рода литературные произведения.

Комментарии Осипова к **«Автобиографическим запискам сибирского крестьянина В.А. Плотникова»** [1] открываются анализом лингвистической структуры текста на всех его уровнях – рассмотрены фонетико-графические и орфографические особенности, лексический состав (отмечается, что здесь представлены не только диалектизмы и элементы просторечия, но также книжно-литературная лексика и фразеология), грамматические формы слов разных частей речи, специфика синтаксических конструкций.

Помимо этого, ученый указывает на наличие некоторых речевых стереотипов, клише, сформированных под влиянием идеологической пропаганды (*поставить задачу, переломный год*). В целом Осипов квалифицирует записки Плотникова как «не случайный набор сведений, а подлинное литературное произведение с четкими жанровыми и композиционными характеристиками и, если угодно, даже с собственной концепцией человека» [1, с. 30]. Эта концепция заключается в следующем: существование человека вообще оправдывается его отношением к труду. Литературный талант В. А. Плотникова проявляется в подлинном, «подчас прямо-таки профессиональном мастерстве детали».

В комментариях к **«Воспоминаниям работницы М. Н. Колтаковой»** ученый раскрывает иной взгляд на жизнь, который «является менее личностным, более «соборным»: своих героев она именует почти всегда по их социальным ролям» [8, с. 19]. Осипов высказывает предположение, что это могло быть связано «с женской спецификой восприятия жизни: для женщины социальный, в частности, семейно-родственный статус человека и связанная с этим статусом «прагматика» (обязанности, отношения, ожидания) зачастую важнее личностных свойств» [8, с. 19]. В целом, отмечая «относительную слабость» мемуаров Колтаковой в качестве литературного произведения, Осипов указывает на ряд эпизодов, которые явным образом перекликаются с сюжетами известных произведений советских писателей: это ситуации «бабьего бунта» («Поднятая целина» М. Шолохова), «Павлика Морозова» (произведения В. Губарева и С. Щипачёва) и «Павки Корчагина» («Как закалялась сталь» Н. Островского).

Лингвистический аспект анализа воспоминаний Колтаковой, как пишет Б. И. Осипов, открыл для него «особый пласт народно-разговорной речи – совершенно пока не исследованную в этом качестве речевую манеру горожан первого поколения» [8, с. 9], в которой диалектные и просторечные элементы уравнивают друг друга.

Сравнивая жанровые особенности мемуаров разных авторов, исследователь отмечает у Плотникова некоторые черты эпистолярного жанра, у Колтаковой – черты агиографического жанра (так, о матери, родившей ее и брата-близнеца в овечьем хлеву, говорится: «Как Иисуса Христа!»; в рассказе о смерти от ран православного священника: «В палате как солнце просияло»).

В тексте **«Документальной автобиографической повести сельского учителя А.У. Астафьева»** [12] Б. И. Осипов выявляет и фольклорные фрагменты, и то, что «часть произведения может быть охарактеризована как эссе» [22, с. 412]. В **«Солдатских воспоминаниях Н.Ф. Шульгина и Г.П. Еланцева»** [24], как пишет Осипов, заметно стремление подражать культуре элитарной, загромождение повествования ненужными деталями [22, с. 412], а в **«Воспоминаниях А.Н. Белозёрова «Записки районного служащего»** [7], «в наибольшей степени отвечающих всем приметам собственно мемуарного жанра, местами содержатся фрагменты, напоминающие скорее статистический отчет, а концовка имеет характер публицистической статьи» [22, с. 413].

Таким образом, работы лингвиста Б.И. Осипова, посвященные исследованию «народных мемуаров», являются образцом филологического анализа «непрофессионального» текста, ученый органично соединяет изучение языковых форм и их семантического наполнения с выводами концептуального характера, связанными с обращением к социокультурному аспекту записок. Определение художественного значения произведений и их жанровой принадлежности выводит его на литературоведческий уровень.

У Осипова есть также ряд научных статей, посвящённых языку стихотворных текстов, созданных в «далекой глубинке» [22, с. 284–288, 306–311, 331–336 и др.]. Каждая из этих работ начинается с

описания личности автора; на первом месте в работах этого исследователя (даже в строго академических) всегда стоит человек – носитель языка и его творец.

Два тома избранных статей Б.И. Осипова носят название «**К истории языка, письма и культуры**» [21; 22]. Эти три понятия – русский язык, письмо и культура – представлены у него в единстве. Основную часть своего творчества Осипов посвятил исследованию языка в двух формах его существования – устной и письменной. В то же время русский язык для него – неотъемлемая часть отечественной культуры, разные аспекты которой всегда были в центре внимания. Борис Иванович имел свой оригинальный взгляд на многие проблемы прошлого и настоящего русской культуры.

Ряд своих работ Б.И. Осипов посвятил **культурным процессам в российской провинции**, это статьи «Культура районного посёлка в 40 – 60-х годах XX века», «Из истории народных праздников: домашние новогодние елки в послевоенные годы», «Военные игры и отношение к армии советских детей 40–50-х годах XX века» [22] и др. Показательно, что исследование социокультурных явлений в своих основных чертах повторяет у него последовательность филологического анализа текста. Так, по принципу описания уровневой структуры языка, отраженной в тексте, осуществляется описание расчленения жизни провинциального общества – на официальный (формальный) и неофициальный слои. Как любые языковые (речевые) факты, от фонетических до синтаксических, анализируются ученым не только с точки зрения языковой традиции (системы языка), но и в коммуникативно-прагматическом ключе, так, например, традиция проведения праздников рассматривается не только с позиций традиционно-исторических, но и идеологических. Послевоенные игры детей классифицируются также вполне академически по их видам – игры активные, интеллектуальные, военные и др., при этом исследователь, обобщая, приходит к выводам социокультурного характера.

Каждый, работавший рядом с Борисом Ивановичем, видел его творческий подход ко всему в жизни, всецелую погруженность в профессию, преподавательскую самоотдачу, подлинный интерес к происходящему вокруг. В нашей статье «подхватывается» одна из тем, подвижнически развивавшихся Осиповым, – **тема бережного отношения к текстам, рождающимся в глубине России** под пером непрофессиональных авторов. Ученый ясно показал их историческую и лингвистическую значимость для культуры Отечества. Филологический анализ текста, проведенный на материале «народных мемуаров», служит хорошим образцом для такого рода исследований.

У нас в руках оказалась полный текст **речи Деда Мороза**, составленный, записанный и произнесенный Григорием Алексеевичем Акимовым на утреннике в детском саду в 1968 г. в поселке Кизнер Удмуртской Республики. Поскольку этот документ вполне отвечает критериям «народного» (по определению профессора Осипова), ярко отражает жизнь российской глубинки в конце 70-х гг. XX в., является авторским, полагаем, что он вполне подходит как источник для филологического анализа русского «народного текста».

Автор этого текста **Г. А. Акимов** (1927–1975 гг.) родился и прожил большую часть своей жизни в Кизнерском районе Удмуртии, закончил семилетку в селе Бемьж, с детства выступал в художественной самодеятельности (пел, играл в спектаклях). Получив специальность авиамеханика, он двенадцать лет служил в лётном гвардейском полку на Дальнем Востоке, был награжден медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Кореи» и др., демобилизовался в звании лейтенанта. Вернувшись на родину, работал директором Районного дома культуры в поселке Кизнер.

Сохранившийся **рукописный текст** речи Деда Мороза написан на согнутом вертикально по центру тетрадном листе, на четырех его половинках, мелким почерком, в конце есть дата и подпись. В нескольких местах имеются сокращения и одна фраза зачеркнута. Всё это вполне соответствует назначению текста – произнесению его перед аудиторией. Далее приводим весь текст целиком, сохраняя орфографию, пунктуацию и сокращения автора:

«Здравств. мои милые ребятаушки! Здр. добрые хозяева – воспит. нянюшки! Здр. дорогие родители, дедушки и бабушки! Вот и снова мы встретились. Я побывал сегодня на многих елках, но такой нарядной елки не видел. Кто же это сделал такую хорошую?»

Ехал я к вам, ребятаушки из-за самого синь-моря, дремучих лесов и высоких гор. И до чего ж велика наша Матушка-Русь, коль моя волшебная чудо-тройка истерла все подковы, так что пришлось ее оставить в Можгинском д/саде. Хотел быстро подковать, да кузнец, как на грех, третий день встречает Новый год где-то под Сюгаилом. Вот и пришлось мне пешком добираться до космодрома,

садиться на ракету и лететь к вам. Лечу, а по радио вызывает меня Сардан – приглашают в гости, а если, говорят, понравится, то и навсегда. Но я туда еще погожусь немножко заезжать.

А на ракете очень уж хорошо лететь. Не трясет, а это для меня, старой кочерыжки, самое главное, чтоб не трясло, чтоб старые кости не рассыпались. И сквозняков нету – значит не страшен мне грипп и насморк.

Бывало раньше едешь на своей тройке, мурлычешь себе под нос какую-нибудь песенку вроде “Шумел камыш” (зачеркнуто: “и время-то летит быстрее, а тут еще остановишься приветствовать лесных зверюшек”), кругом лес стоит, только и видишь, как пробежит через дорогу волчишко-серый хвостик, лисичка-сестричка, или шмыгнет зайчишка-хвостушка, да протопает косолапый мишка, а теперь едешь и глазам своим не веришь. Где стоял дремучий лес – нынче светится огнями новый рабочий поселок, или чайная, где была крутая гора, сейчас широкое море, где болото с комарами да мошками, сейчас город с асфальтированными дорожками.

В общем красота неопишная. Машины снуют туда, сюда с различными грузами (с пивными бочками, посудой и т.д.), того и гляди затопчут. А один добрый молодец на Газе-51 даже поприветствовал меня... Как это он сказал, вот память-то дырявая. Ах, да. Привет, говорит, тебе, предок! Ну я конечно осерчал на него, цыкнул на тройку, чтобы догнать да отругать за оскорбление каким-нибудь трехэтажным “словечком”, а он как газанул, так моя тройка полчаса чихала. Говорят, бензин-то был куплен в керосиновой лавке в Кизнере, на половину с керосином.

А вам, молодцы, хочется полетать на ракете? Ну уж если очень хочется, то я вас прокачу, когда вы научитесь читать, писать и управлять ракетой. Если будете послушными и не будете есть снег и сосульки. У кого грязные носы и руки, тех в ракету не возьму, а то замарают все небо и будет падать черный снег и грязный дождь.

Я очень рад встрече с вами. А вы ждали деда-Мороза? Наверно вы ждете подарков. Ну и хорошо. Я свою ракету оставил в КБО там обещали ее отремонтировать сказали, что будет работать как часы, которые побывав в руках мастеров Кизнерского КБО – уже не работают.

Ну, не беда, у меня ракета многоступенчатая, так что если одну ступень и выбросить, то на оставшихся можно спокойно долететь до Сосновки. Так что у меня есть время отдохнуть, послушать ваши песни, ваши игры. Как в песне поется: “Молодым везде у нас дорога, старикам – заслуж. покой”. Вот и поиграйте, попляшите, да и деда посмешите.

...Ай да молодцы! Уж так вы хорошо пели и плясали, что и мне захотелось тоже петь:

Разыгр. метели, гнитесь ниже сосны, ели,
Все, что есть в моем лесу, все засыплю, занесу.
Как пойду я на дорогу, как пройду я на село
Только дуну понемногу, вмиг сугробы намело.
Попадется ль пеший, конный, на дороженьке моей,
Заберусь в тулуп дубленый, проморозу до костей.
Берегите руки ноги, закрывайте уши, нос,
Ходит бродит по дороге старый дедушка Мороз.
А сегодня я не старый, я с ребятами дружу,
Не морозу руки, ноги, никого не простужу.

Ну а сейчас вы поиграйте, а потом я еще попою.

Хоть я старый, так сказать, ну и что ж такого,
Я еще могу сплясать лучше молодого.
Подкручу небрежно ус, ну-ка, поглядите,
Подбоченюсь, повернусь, тридцать не дадите.
Вот какой я озорной, хоть седой, а молодой.
Вот какой, вот какой старый дедка с бородой.
Вот так разыгрался дедушка-Мороз никакого удержу нет.

Дорогие ребяташки! Сегодня все люди на земле встречают Новый год, кто с елками, кто с цветами, а некоторые под новый год выбрасывают все ненужное из дома, но каждый хочет, чтобы

новый год был еще лучше, радостнее и счастливее. Чтобы вы росли бодрыми и веселыми, слушались своих мам, пап и бабушек.

А сейчас давайте позовем Новый год. Эге-гей! Внучек, где ты? Пришел, вот и хорошо. Поиграй вместе с ними, а мне пора дальше ехать.

Поздравляю вас дорогие мои с праздником елки и зимы. С Новым годом! До свидания, до новой встречи!

1968 год. Акимов»

Интересно было бы сравнить между собой разные тексты подобного рода, написанные «самодеятельными» авторами, поскольку в них отражена определенная эпоха с ее речевыми особенностями, социальными типами, региональной картиной мира, языковой личностью авторов и другие приметы времени. Филологических исследований, посвященных данному жанру, практически нет. Отметим лишь статью Ю.Н. Драчевой «Вологодский Дед Мороз как виртуальная языковая личность», в которой анализируются материалы коммерческого проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» (записи устных выступлений, страничка в социальной сети, специализированные сайты проекта, публикации в СМИ) [13].

Рассматриваемый нами текст, совпадая тематически с вологодским проектом, отличается своей направленностью на конкретную аудиторию (коллектив детсада в поселке Кизнер), существует в одном экземпляре, имеет признаки связности, цельности и завершенности. Это произведение определенного автора, коммуникативно реализованное им самим в процессе устного выступления перед аудиторией. В то время как в вологодском проекте осуществляется дискурсивная коллективная деятельность «неопределенно-авторского характера» в сфере массовой коммуникации [13, с. 65].

Разница проявляется и в основных тематических группах используемой лексики: если в вологодских текстах ключевыми являются слова лексико-семантических полей «Чудо», «Сказка», «Праздник», то в рассматриваемой нами речи Деда Мороза наиболее частотны пространственные наименования (в том числе слова со значением передвижения), а также названия людей и их характеристики. В тексте для детского праздника автор **моделирует ситуацию встречи** сказочного Деда с детьми, отсюда – рассказ о его поездке, происшестввиях и встречах в пути.

Обозначения **пространства** и его частей представлены в тексте Г.А. Акимова и описательно, и топонимически. Сразу после приветствия идет сообщение о начале пути: «*ехал... из-за самого синь-моря, дремучих лесов и высоких гор*». При помощи этой фольклорной формулы указана некая мифическая страна, находящаяся за краем света. Но в основе сообщения лежит общее представление о том, что Дед Мороз, так же, как и любой человек, где-то живет.

После ссылки на неведомую страну следует столь же эпическое: «*И до чего ж велика наша Матушка-Русь*». Здесь можно увидеть скрытую переключку с Н.С. Никитиным («Широко ты, Русь, по лицу земли в красе царственной развернулася!»); в домашней библиотеке Акимовых был в числе прочих томик Никитина), отметим также использование эпитета фольклорного характера *матушка* в качестве приложения.

Далее, по контрасту, появляется целый **ряд топонимов** местного значения, хорошо известных слушателям: *Можга, Сюгаил, Сардан, Кизнер, Сосновка*. Показательно, что вводятся они, в основном, через микропонимические обозначения – *Можгинский детский сад; где-то под Сюгаилом; Кизнерский КБО* (Комбинат бытового обслуживания). **Географические образы**, – как пишет Д.Н. Замятин, автор книги «Культура и пространство: Моделирование географических образов» – являются одними из основополагающих в культуре вообще, так как через их посредство члены социокультурных общностей обживают, осваивают окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации, но и в экзистенциальном, феноменологическом плане [14, с. 16]. В рассматриваемом нами тексте опорные точки обжитого пространства отражены в названиях населенных пунктов и их частей.

Устойчивые пространственные представления «формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне). Они являются, как правило, компактными моделями определенного географического пространства (или географической реальности), созданными для более эффективного достижения какой-либо поставленной цели» [14, с. 92]. В тексте Г.А. Акимова к ним относятся местные пространственные ориентиры, каждый из которых «на слуху» и имеет для жителей поселка как общие, так и индивидуальные ассоциации.

Город *Можга* (название по родовому удмуртскому имени [3]) – центр соседнего района республики, расположен в восточном направлении (в сторону Ижевска, столицы Удмуртии), через несколько железнодорожных станций от Кизнера. Дед Мороз, таким образом, ехал не с севера, а с востока (со стороны центра республики). Здесь авторский вымысел, в рамках новогодней традиции, накладывается на реальную географию мест.

Далее упоминается *Сюгаил*, название дано по речке Сюга [3]. Это один из ближайших к Кизнеру железнодорожных разъездов. Дед Мороз, остановившись в Можге, ищет кузнеца, чтобы подковать тройку. Но, по слухам, кузнец «где-то под *Сюгаилом*». Такая не очень точная привязка к местности («где-то под») имеет хорошо прочитываемый подтекст для взрослых слушателей, тем более что известно, чем этот кузнец занят – он «*третий день встречает Новый год*» (пьянствует, или «загуляет»). Показательно отсутствие семантики неодобрения, скорее наоборот, – тема пьянства в советское время представляла собой кладезь юмора.

На станции *Сардан* (название по реке [3]) соседнего района находилась психолечебница, и в речи местных жителей само обозначение этого населенного пункта прочно ассоциировалось с находящимися там «психами», душевнобольными людьми. Высказывания типа «пора в Сардан», «Встретимся в Сардане» были обычными шутками. Поэтому, когда Дед Мороз сообщает, что его вызывает Сардан, взрослые слушатели сразу воспринимают этот второй слой информации, да и сам автор развивает далее и завершает эту скрытую тему: «*погожу немножко заезжать*».

Итак, здесь переплетены разные пласты информации: **эксплицитная**, выраженная языковыми значениями лексических единиц, и **имплицитная**, подразумеваемая. При этом информация, выраженная прямо, также не однолинейна. Например, фраза «*вызывает меня Сардан*» может восприниматься и как метонимическое обозначение всех жителей этого населенного пункта, и как персонала больницы. При этом отсылка к психиатрическому заведению, сразу всплывающая в языковом сознании слушателей, вступает в семантическое противоречие с предикатом – «*приглашают в гости*», в рамках которого далее разворачивается воображаемая ситуация похода в гости – «*если ...понравится, то и насовсем*». Внешняя форма этих фраз с их традиционной семантикой гостеприимства в сочетании с названием места для душевнобольных дает ясно прочитываемый юмористический подтекст. По Ю.М. Лотману, любой текст предстает перед нами как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [20, с. 162].

Разные виды **иносказания**, как дань своему времени, от начала до конца «прошивают» ткань анализируемой новогодней речи. Так, упоминая Комбинат бытового обслуживания, автор использует неопределенно-личные формы глаголов: *обещали* (обещать «внушать надежду на что-н.» [19], народная трактовка – «обещать, не значит сделать»), *сказали* – «будет работать как часы, которые побывав в руках мастеров Кизнерского КБО – уже не работают». Отвлеченная положительно-оценочная семантика устойчивого выражения «работает как часы» (точно, хорошо) «приземляется» через соотнесенность с денотатом *часы* в значении «механизм» и формируется своего рода каламбур, отраженный в глагольных формах *будет работать* и *не работают*.

Прием «наведения» на актуальный смысл использован и во второй части фразы «*говорят, бензин-то был куплен в керосиновой лавке в Кизнере, наполовину с керосином*». В результате шутка сначала вызывает смех у более «догадливой» аудитории, а затем и у остальных.

Итак, географические образы в новогоднем тексте соотнесены с реальными топосами местного значения, входящими в жизненное пространство слушающих. Это делает текст ярко коммуникативно направленным, «своим» для адресатов, понятным и, в результате, интересным. «Любой топоним, любое название места всегда дается с позиции какого-либо сообщества (и им же удерживается) и всегда является частью какого-либо культурного ландшафта – городского, сельского или станового» – пишет В.Н. Калуцков в книге «Ландшафт в культурной географии» [15, с. 102].

Игра географическими образами, фантазия автора позволяет слушателям по-новому взглянуть на известные объекты и события местной жизни. Хороший рассказчик из народа всегда отличался умением преподнести реальность в новом ракурсе, сделать негативное смешным, страшное нестрашным. О.А. Корнилов, сравнивая «прототипических пользователей народной мудрости» в России и Китае, делает вывод, что русским типом «следует считать какого-нибудь лукавого, вечно посмеивающегося, ерничающего мужичка, отнюдь не претендующего на роль вещателя истин в последней инстанции.

(...) Русский человек использует “меткое словцо”, рассчитывая впечатлить слушающего этакой лихостью, забористостью, иронией» [16, с. 265].

Итак, пространственные обозначения в анализируемом тексте, во-первых, отражают географические образы в языковом сознании местных жителей, во-вторых, они всегда связаны с определенными ассоциациями, что реализуется автором новогодней речи в виде подтекста. При описании страны в целом применяется архаичный топоним в сочетании с фольклорным эпитетом (*матушка-Русь*), а для передачи информации о частях ближнего пространства используются микротопонимы – имена собственные, имеющие узкую сферу употребления.

В поле пространственной номинации входят также слова со значением **передвижения и названия средств транспорта**. Весь текст объединяет повествование о путешествии, и даже момент речи представлен здесь как остановка в бесконечном пути мифического Деда.

Названия транспорта: *чудо-тройка, ракета, (грузовые) машины, Газ-51*. Интересна последовательность: от сказочного зачина к современной действительности, не плавно и не резко, а в их объединении. Описание смены средств передвижения Деда Мороза происходит через **введение символа в реальность**, в обыденное, – сообщается, что волшебная чудо-тройка *истерла все подковы*. Такой образ в сознании автора текста возникает, несомненно, в связи с его крестьянским происхождением и знанием лошадей, но также и с учетом знаний слушателей – сельских жителей. Как говорит Ю.М. Лотман, текст, обращенный к лично знакомому адресату, не нуждается в загромождении «ненужными подробностями, уже имеющимися в памяти адресата. Для актуализации их достаточно намека» [20, с. 171].

Какое транспортное средство выбирает сказочный Дед, когда не может дальше ехать на тройке? Он *пешком добирается до космодрома, садится на ракету и летит* (используемое в те годы сочетание «садиться на ракету» отражалось в детских рисунках в виде космонавта, сидящего верхом на ракете). *Ракета* – одно из ключевых слов в русском языке 70-х гг. XX в., а Дед Мороз на ракете – это плакатный, открыточный образ.

Для сохранения правдоподобия автор текста не может сразу посадить своего героя на ракету, так как слушающим известно, что в Можге, месте его остановки, нет ракет. И Дед *идет пешком* до космодрома, находящегося, по-видимому, где-то поблизости. Таким образом, на «карте местности» появляется новый пространственный объект – *космодром*. С одной стороны, это уже реальность времени, с другой – нечто невероятное для родных мест. Снова происходит **сплетение реальности и вымысла**. Хотя космодром, до которого можно дойти пешком, – это, пожалуй, не столько вымысел, сколько отражение детского (сказочного) восприятия всего в мире, как существующего здесь и сейчас.

В монографии А.Н. Барулина, посвященной роли знаковых систем в коммуникации, сказано: «Построение всякого текста начинается с построения сюжетной композиции, ее исходной модели. В процессе построения она постепенно трансформируется, поскольку построение каждого последующего фрагмента опирается на то, что удалось автору уже построить. Каждый последующий сегмент должен быть согласован с предыдущим. Правила согласования не всегда позволяют соотносить построение фрагмента текста с изначально заданной сюжетной линией. Тогда текст и сюжет перестраиваются. (...) Сюжетные механизмы складываются из двух основных источников моделирования – моделирования объектов и ситуаций реального мира и моделирования психических механизмов, управляющих деятельностью человека как целого и деятельностью компонентов организма в рамках этого целого» [5, с. 295]. В тексте Г.А. Акимова непротиворечиво представлены вымышленные ситуации, объекты, персонажи и психологические действия последних.

В высказывании А.Н. Барулина выделим две основные мысли: каждый последующий фрагмент текста «опирается на то, что удалось автору уже построить» и то, что иногда «текст и сюжет перестраивается». Автору в маске Деда Мороза необходимо объяснить отсутствие тройки за воротами детского сада (реальный факт), и это становится мотивом для описания ситуаций со стертymi подковами лошадей и пересадку на ракету (моделирование реальности). Также необходимо оправдать отсутствие ракеты, и снова находится понятное для слушателей объяснение: как и тройка, ракета «вышла из строя», потребовался ее ремонт. Возникает тема плохой работы специалистов из «кизнерского КБО», актуальная для всего взрослого населения поселка.

Однако завершается эта тема оптимистически, словами «ну, не беда» и пояснением: «у меня ракета многоступенчатая, так что если одну ступень выбросить, то на оставшихся можно спокойно долететь до Сосновки» (город Сосновка – последний географический объект в этом тексте и следующий пункт путешествия уже в западном направлении). Здесь отражен чисто советский (традиционно

русский) взгляд, выражающийся в известных словах: от «и так сойдёт» до «куда деваться» и «ничего не поделаешь». Если «мастера» плохо сделают, то мы как-нибудь выкрутимся, «не впервой», справимся с ситуацией.

В тексте сравниваются способы передвижения на лошадях и на ракете, предпочтение отдается ракете («А на ракете очень уж хорошо лететь. Не трясет... и сквозняков нету»), хотя езда на тройке описывается с большей теплотой: «Бывало раньше едешь на своей тройке, мурлычешь себе под нос какую-нибудь песенку, ...кругом лес стоит»). Противопоставлены ощущения физические (удобство передвижения) и психологические (чувство радости от того, что всё вокруг видно, «мурлычешь песенку»).

К символам будущего и прошлого (*ракета* и *тройка*) добавляется символ настоящего, слово с широким семантическим объемом - *машина*: «Машины снуют туда, сюда с различными грузами..., того и гляди затопчут». В этой фразе представлен взгляд на мир глазами обычного старого деда, не привыкшего к интенсивному движению на улицах. Показателен глагол *затоптать* (о пешем передвижении) в применении к ситуации езды на транспорте.

В тексте использованы также и другие речевые единицы, имеющие отношение к движению и остановкам в пути: *встретились, побывал, ехал, пешком добираться, лететь, заезжать, снуют, догнать, газанул, прокатиться, прокачу, долететь, дальше ехать*. Среди них выделяются глаголы, обозначающие разные виды и способы передвижения: *ехать, прокатиться, побывать, лететь, долететь, сновать, газануть, добираться*. В значение глагола *добираться* входит представление о том, что перемещение в другую точку пространства было долгим, трудным и непредсказуемым, это слово, по данным лингвокультурологии, не переводится ни на один европейский язык. Выделяются глаголы, содержащие сему «участник движения»: *догнать, прокатить* «провезти для развлечения» [19], а также слова, связанные с изменением направления и остановками в пути: *побывать, заехать, встреча*. Косвенная номинация, выраженная глаголом *газануть* «резко тронуться с места, выпустив облако дыма», в данном контексте имеет негативный оттенок.

Начинается и заканчивается рассказ о путешествии Деда Мороза глаголом *ехать*, имеющим достаточно широкое значение «двигаться куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения» [19]: «*ехал я к вам*» / «*мне пора дальше ехать*». В обоих случаях вид транспорта не называется. В начале второго абзаца слова «*ехал я к вам*» контекстуально поддержаны в следующих предложениях, где говорится о «чудо-тройке». В последнем абзаце в сообщении «*мне пора дальше ехать*» вообще отсутствует указание на средство передвижения, но поскольку глагол *ехать* не используется в сочетании с названиями летательных аппаратов, то вывод лежит на поверхности: Дед отправится в дальнейший путь на лошадях. Автор текста следует логике и форме живой устной речи, которая нередко строится без какой-либо конкретизации, иначе она была бы нескончаемой. Е.С. Кубрякова так пишет об этом: «Достигается возможность быть неопределенным именно в той мере, в какой эта неопределенность не мешает взаимопониманию собеседников» [17, с. 191]. В анализируемом фрагменте актуальными оказываются только две семы – «отправиться в путь» и «не пешком».

Итак, описание дальнего и ближнего пространства и передвижения в нем является центральным в данном тексте. Вписанными в эту тему оказываются и **действующие лица**. Это деятели социальной сферы – *кузнец*, которого, правда, так и не нашли, и *мастерá* из КБО, которые на самом деле никакие не «мастера». Здесь отражено общее недоверие к работникам из сферы обслуживания, существовавшее в XX в. и породившее множество сатирических произведений.

Более широко представлены номинации из сферы семейных и родственных отношений, которые использованы для обозначения ближнего круга общения Деда Мороза: в качестве обращений – *ребятушки, воспитатели, нянюшки, родители, дедушки, бабушки, внучек*; для выражения похвалы используется слово *молодцы*. Новый год персонифицирован и предстает в образе *внука* Деда Мороза (внучка-снегурочка в сочинении Г.А. Акимова отсутствует, по-видимому, в связи с тем, что этого персонажа не было на утреннике).

Базовым концептом, вокруг которого разворачивается текст, является сам Дед Мороз – сказочный волшебник в образе доброго дедушки, или *деда*, как сам себя он называет. Именно его ждут, он объединяет всех вокруг себя словом и делом, поощряет и порицает, дает советы. С ним радостно встречаются и без слез прощаются, зная, что Дед Мороз снова придет, он есть всегда, как надежда и вера в хорошее.

Характерной чертой данного текста является то, что юмор, шутка касаются и самого Деда Мороза, обычно – фигуры внушительной, солидной. Так, рассказывая о полете на ракете, он называет себя по-народному «старой кочерыжкой». В то же время на обращенное к нему слово «предок», тогда только вошедшее в молодежную речь, Дед Мороз «осерчал»: одно дело безобидная шутка и совсем другое – проявление неуважения к старшим.

С ироническим оттенком используется фольклорное сочетание «добрый молодец»: «А один добрый молодец на Газе-51 даже поприветствовал меня... Как это он сказал, вот память-то дырявая. Ах, да. Привет, говорит, тебе, предок!». Применение фольклорного образа идеального юноши к современному персонажу, далекому от идеала, соединяет разные аспекты языковой картины мира: норму (эталон, образец) и не норму (нарушение или разрушение нормы); использование языкового знака в новом контексте; ирония, рождающаяся от столкновения ментально-языкового факта с реальной действительностью.

К теме описания персонажей относятся и **глаголы говорения**. Все они представлены в монологе Деда Мороза и используются не только для прямого обозначения актов говорения, но и для их характеристики. Выделяются собственно глаголы речи с общим значением речевого взаимодействия – *говорить, сказать, послушать*, глаголы призыва – *вызывать, приглашать, позвать*, этикетные – *приветствовать*, в перформативной функции – *обещать*, в том числе глаголы речевого воздействия – *цыкнуть, отругать*.

В отношении своей собственной речи Дед Мороз использует всего три обозначения – глагол *мурлыкать*, выражающий внутреннее эмоциональное состояние при произнесении каких-либо звуков, а также глаголы речевого воздействия *цыкнуть* и *отругать*. В этом проявляется одна из черт его образа, сформированная в русском сознании сказочными и другими фольклорными текстами: он может и наградить, и наказать.

Для обозначения речи других персонажей использованы такие глагольные формы, как *вызывает, приглашают, говорят* (о Сардане; здесь интересны разные формы числа, отражающие разные аспекты информации), *приветствовал, сказал, говорит* (о «добром молодце»; здесь показательно изменение действия во времени), *обещали, сказали* (обезличенно, о Комбинате бытового обслуживания).

В речь Деда Мороза были включены **тексты двух песен**, которые вводятся словами «мне захотелось тоже петь». Любой Дед Мороз обычно читает стихи и поет вместе с детьми. Г.А. Акимов, Заслуженный деятель культуры Удмуртской Республики, хорошо пел и часто выступал на сцене. В районной газете «Новая жизнь» о его становлении как певца писали: «Голос его стал богаче и сильнее. В свой репертуар Акимов включает сложные классические вещи, такие, как партия Караса из оперы “Запорожец за Дунаем”, “Сомнения” Глинки, “Мельник” Даргомыжского».

В новогоднюю речь тексты песен Григорий Алексеевич записал по памяти, в связи с этим в первую песню «Разыграйтесь, метели» (слова Н. Новикова, музыка Н. Потоловского) были внесены два изменения. Первое из них, как можно предположить, появилось вместо забытой строки. В исходном тексте было написано: «Как пойду я на дорогу, на реку ль на скользкий лед. Только дуну понемногу, враз сугробы наметет», у Акимова читаем: «Как пойду я на дорогу, как пройду я на село, только дуну понемногу – вмиг сугробы намело». Замена «на реку» > «на село» вносит актуальный смысл, не нарушена и рифма, вместо «лед... наметет» > «на село ... намело». В завершение песни добавлены две новые строки, также связанные с моментом речи: «А сегодня я не старый, я с ребятами дружу, не морожу руки, ноги, никого не простужу». Этого нет в источнике, который заканчивается словами «Ходит бродит по дороге старый дедушка Мороз». Такая актуализация исходного письменного текста ярко отражает коммуникативную направленность текста устного.

Вторая песенка Деда Мороза («Хоть я старый, так сказать») могла быть придумана самим Г.А. Акимовым, навеяна одним из сценических номеров, с которыми он выступал в селах и деревнях в составе агитбригады, исполнял частушки и песни вроде «Как задумал старый дед второй раз жениться».

Основной мотив песенки «Хоть я старый, так сказать» отражен в антонимической паре **старый – молодой**, которая используется не только в функции прямого противопоставления, но также в сравнительной конструкции (*старый... лучше молодого*) и даже в семантическом объединении двух понятий (*хоть седой, а молодой*). Высказана традиционная для русского текста мысль о приоритете внутреннего над внешним, духовного над материальным.

В **структуре новогодней речи** Г.А. Акимова – четырнадцать фрагментов (абзацев), которые представляют собой отдельные семантико-синтаксические единицы. В первом из них отражена традиционная

ситуация приветствия в русской культуре: *«Здравствуйте мои милые ребятушки! Здравствуйте добрые хозяева – воспитатели, нянюшки! Здравствуйте дорогие родители, дедушки и бабушки!»* Обращение к каждой группе слушателей в отдельности – дань народной традиции и подчеркнутое проявление уважения к собеседникам. Использование в каждом обращении оценочного прилагательного также не является избыточным – от «добраго дедушки Мороза» ждут именно добра и любви.

Далее следует напоминание о прошлой встрече как подтверждение устойчивости традиции – *«Вот и снова мы встретились»*, похвала хозяевам – *«Я побывал сегодня на многих елках, но такой нарядной не видел. Кто же это сделал такую хорошую?»* При этом косвенно выражена не только сама похвала, но также и информация о том, что такая оценка имеет основание для сравнения (то есть это не лесть, а выражение действительного одобрения, что является важным для русской культуры). Завершается абзац вопросом, приглашающим к диалогу.

Второй фрагмент начинается глаголом-сказуемым в прошедшем времени, вынесенным в начало предложения: *«Ехал я к вам, ребятушки»*, в результате чего происходит подготовка слушателей к рассказу о путешествии. Уже в зачине показан размах этого путешествия (*«из-за самого синь-моря, дремучих лесов и высоких гор»*), что становится основой для вывода: *«И до чего же велика наша Матушка-Русь»*. Показательно, что расстояние оценивается через ссылку на истертые подковы лошадей, тем самым снимается пафос, повествование переходит со сказочно-эпического на бытовой уровень, это позволяет в последующих фрагментах развернуть картину местной жизни. Вводится и новый поворот темы, подготавливающий к содержанию следующего абзаца: *«пришлось мне пешком добираться до космодрома, садиться на ракету и лететь к вам»*.

Преобладает план прошедшего времени – рассказ о событиях, фактах прошлого, что является признаком такого функционально-смыслового типа речи, как **повествование**. Глагольные формы совершенного вида обозначают действия, сменяющие друг друга (*истерла, подковать*), а формы несовершенного вида, как элементы описания, – действия, совершающиеся в одной временной плоскости и имеющие статический характер (*ехал, добираться, садиться, лететь, вызывает, приглашают*). Повествование обычно «теснейшим образом связано с пространством и временем. Обозначения места, действия, названия лиц и не лиц, производящих действия, и обозначения самих действий – это языковые средства, с помощью которых ведется повествование» [23, с. 145].

В начале третьего фрагмента (*«А на ракете очень уж хорошо лететь»*) следует продолжение темы полета на ракете, темы актуальной и интересной в то время для всех без исключения. Описание полета дается через ощущения старого деда (образ старика в советской литературе и фольклоре обычно представлен в юмористическом плане): *«самое главное, чтоб не трясло, чтоб старые кости не рассыпались. И сквозняков нету – значит не страшен мне грипп и насморк»*.

В начале и конце четвертого абзаца дано событийное **описание**, а в середине – пейзажное (лесные звери, перебегающие через дорогу) и рассказ о встрече с «добрым молодцем» на «газике». Важная функция описания, как пишет Г.Я. Солганик, – создание образных картин, что достигается нередко подбором ярких деталей, длинным перечислением их [23, с. 139]. В нашем примере это, прежде всего, образы зверей: *«только и видишь, как пробежит через дорогу волчишко-серый хвостик, лисичка-сестричка, иль шмыгнет зайчишка-хвастунишка да протопает косопалый мишка»*. Персонажи народных сказок – волк, лиса, заяц, медведь – обозначены фольклорными формулами, хорошо известными слушателям-детям. Действия каждого лесного зверя стереотипны: волк и лиса *пробегут*, заяц *шмыгнет*, медведь *протопает*. Образы животных появляются в контексте воспоминаний о прошлом; говорящий уходит то ли в сказку, то ли в детство.

Воспоминание о прошлом продолжается сравнением с настоящим (*«бывало раньше едешь»; «а теперь едешь»*), при этом используются параллельные синтаксические конструкции: *«Где стоял дремучий лес – нынче светится огнями новый рабочий поселок или чайная, где была крутая гора – сейчас широкое море; где болото с комарами да мошками, сейчас город с асфальтированными дорожками»* («чайной» называли разного рода «распивочные»). Синтаксический повтор привлекает внимание слушателей к определенной мысли, а контраст старой и новой информации создает экспрессивный эффект. Синтаксический параллелизм является широко распространенным средством художественной выразительности текста.

Завершается эта структура обобщающей **оценкой** современности в начале пятого фрагмента: *«В общем, красота неопишная»*. Эта положительная оценка уже и на первый взгляд кажется содержа-

щей иронию. Далее она становится более очевидной на фоне контекста с упоминанием о пивных бочках в грузовиках и «посуде» (так назывались пустые бутылки), рассказе о неуважительном поведении «доброего молодца» т.д. Данный фрагмент предназначен, конечно, для восприятия взрослых слушателей. Автор постоянно переключается от одной возрастной группы, воспринимающих текст, к другой, учитывая коммуникативные интересы всех.

Тип описания в шестом фрагменте – это **рассуждение**: «*А вам, молодцы, хочется полетать на ракете? Ну уж если очень хочется, то я вас прокачу, когда вы научитесь читать, писать и управлять ракетой, если будете послушными и не будете есть снег и сосульки. У кого грязные носы и руки, тех в ракету не возьму, а то замарают всё небо, и будет падать черный снег и грязный дождь*». Абзац начинается с вопроса к детям (приглашение к диалогу), ответ на который автор знает. Далее следует наставление с использованием предложений со значением условия и следствия (если..., то). Условия для выполнения желаний называются не только реальными, но и фантастическими: научиться читать, писать, быть послушными, умываться, «управлять ракетой». Общая тема – правила поведения.

Седьмой абзац также открывается прямым речевым контактом с детьми: «*Я очень рад встрече с вами. А вы ждали деда-Мороза? Наверно вы ждете подарков. Ну и хорошо*». Но в продолжение этого (скорее всего, дети кричали: «Да!») дедушка, как это обычно и бывает в разговорах взрослых с детьми, отвлекается, сообщая: «*Я свою ракету оставил в КБЮ*». Вымышленный объект вписывается в реальный местный контекст: «*там обещали ее подремонтировать*».

Восьмой абзац, продолжая ту же тему, переводит ее в **модальный план**: «*Ну, не беда*», и далее дается обоснование такого отношения к содержанию высказывания: «*у меня ракета многоступенчатая, так что если одну ступень выбросить, то на оставшихся можно спокойно долететь до Сосновки*». Интересен этот рассказ своей общей «советской» (русской) тональностью, которую можно описать так: «скорее всего ничего хорошего не получится, но как-нибудь справимся, и всё будет нормально». Этот народный взгляд на мир выражен во многих русских пословицах. О.А. Корнилов, автор монографии «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов», сопоставляя русскую пословицу «Нет худа без добра» с близкими к ней испанской и китайской, пишет: «Форма русской пословицы *нет худа без добра* отражает следующий смысл: “любое отрицательное явление всегда сопровождается хоть чем-нибудь хорошим”, то есть смысл оптимистический – любое “худо” обязательно сопровождается хоть каким-нибудь “добром”» [16, с. 253].

Завершается восьмой абзац обращением к детям с предложением: «*поиграйте, попляшите, да и деда посмейте*». Это элемент общей схемы новогодних праздников у елки. Фрагменты девятый, десятый и одиннадцатый также полностью соответствуют пунктам плана детского праздника с включением текстов двух песен Деда Мороза.

Двенадцатый абзац представляет собой информационный блок, сообщение о встрече Нового года людьми на всей Земле. *Сообщение* является, главным образом, жанром газетной речи. В речи Деда Мороза вообще заметна дань **публицистике** с ее информационно-пропагандистской функцией.

Тринадцатый и четырнадцатый абзацы – завершающие. В первом из них содержится просьба к детям позвать Новый год: «*А сейчас давайте позовем Новый год. Эге-гей! Внучек, где ты? Пришел, вот и хорошо. Поиграй вместе с ними, а мне пора дальше ехать*». Традиционная персонификация нового года как ребенка, внука. В самом высказывании Деда Мороза соединены призыв, вопрос, констатации факта и его оценка, совет и сообщение о своих дальнейших действиях. Вся эта структура очень похожа на последовательность высказываний в реальной речи при завершении встречи в кругу близких людей. В последнем абзаце – поздравление и прощание также в рамках сложившейся традиции: «*Поздравляю вас, дорогие мои, с праздником елки и зимы. С Новым годом! До свидания, до новой встречи!*» Прощание, в отличие от ситуации приветствия, общее, одно для всех, оно включает в себя обещание новой встречи.

Итак, текст разделен автором на ряд фрагментов, каждый из которых, с одной стороны, имеет свою тему, но в то же время продолжает, развивает тему предыдущего, строясь во многом по законам устной речи. Этот текст изначально создавался как **воспринимающийся на слух**, что отражено в его композиции, объеме, строении предложений, отборе слов, чередовании фрагментов с разными типами информации и т.д.

Активно используется прием **диалога**, направляющий восприятие слушающих и воспроизводящий живую речь. Например, в начале седьмого абзаца: «*Я очень рад встрече с вами. А вы ждали деда-Мороза? Наверно вы ждете подарков. Ну и хорошо*». Здесь, во-первых, представлена вербализация

положительной эмоции говорящего, во-вторых, два вопроса к детям с повтором глагола *ждать* и «направленным» ответом (показательно отсутствие знака вопроса в рукописи после вопроса о подарках), который закрепляется в итоговой оценке «*ну и хорошо*». Данная этикетная ситуация речи, связанная с выяснением внутреннего настроения собеседников, подготавливает последующее восприятие новой информации – о проблемах с ремонтом ракеты.

Основными элементами организации текста в анализируемой речи Деда Мороза являются **смысловые блоки**: а) встреча/прощание, б) рассказ о путешествии и его трудностях, в) пространственная оппозиция «*всюду/здесь*» («*весь мир и местная жизнь*»). Базовый концепт, вокруг которого разворачиваются все темы, – сам Дед Мороз как объединяющее начало.

Композиция текста всегда несет определенную дополнительную информацию. И.Р. Гальперин выделяет такие смысловые параметры, или типы логической связи в тексте, как отношение общего и частного, частного и общего, от конкретного к абстрактному, от абстрактного к конкретному, отношения сходства, противоположности или контраста, отношение между каким-то положением и иллюстрацией к нему, отношение смежности (описание пейзажа, обстановки, внешности человека) [9, с. 112].

В речи Деда Мороза преобладают следующие типы логической связи: отношение **общего и частного** (пять контекстов), противоположности или **контраста** (четыре примера), отношение между каким-то **положением и иллюстрацией** к нему (четыре контекста). Можно сказать, что это (и многие другие признаки) свидетельствует о близости данного текста к **воспитательно-образовательному дискурсу** с его основной целью передачи морально-этических установок и знания. Так, во многих фрагментах текста происходит переход от сообщения о событии в жизни всего народа или об известном правиле – к конкретному событию или к условиям выполнения определенного правила, от общего положением – к примеру.

Прием контраста использован в двух прямо противоположных функциях: с одной стороны, для того, чтобы слушающие самостоятельно пришли к определенному выводу, с другой – как иллюстрация о несовпадении желаемого и действительного. Последнее входит в план подтекстовой информации, воспринимаемой слушателями не только в случаях нестандартного соединения понятий и слов (*Сардан приглашает*), но также в фактах прямых лексических замен. Так, в словах Деда Мороза «*Как в песне поется: «Молодым везде у нас дорога, старикам – заслуженный покой»*» произошла замена исходного *почет* («*старикам везде у нас почет*») на слово *покой*. Оно могло бы вызвать нежелательную ассоциацию с «вечным покоем» (упокоением), если бы не прилагательное *заслуженный*, отсылающее к ситуации с «отправкой» людей на «заслуженный отдых», не раз обыгранной в советском кино.

Численное **преобладание контекстов с рассуждением** также может говорить о воспитательной и образовательной направленности всего текста. Два фрагмента с описанием сосредоточены ближе к середине текста и идут один за другим, по сути продолжая рассказ о поездке, три контекста-повествования распределены на одинаковом расстоянии друг от друга, но формат рассуждения все же представлен как основа всего текста.

В новогоднем тексте вполне уместна **фольклорно-сказочная стилизация**. Речевая маска Деда Мороза, сказочного персонажа, предполагает использование сказовых эпитетов и устойчивых выражений, отражающих народную стихию. О себе Дед Мороз говорит: «*память-то дырявая*» (о своей забывчивости), «*удержу нет*» (о действиях без ограничений), «*глазам своим не веришь*» (об удивлении). О ситуации в целом: «*как на грех*» (о плохом происшествии), «*красота неопишутая*» (о невозможности выразить словами). «Наиболее очевидной для читателя и выразительной представляется стилизация, опирающаяся на фольклор, на живую разговорно-обиходную речь известной социальной среды» – пишет Ю.А. Бельчиков [6]. Детский новогодний праздник изначально задает эту сказочную направленность. Дед Мороз со всеми его атрибутами – это сказочный персонаж, и человек, надевший эту маску, должен соответствовать своей роли, говорить особым (но понятным слушателям) языком, а его оценки должны совпадать с ожиданиями аудитории.

В целом филологический анализ рукописного текста, написанного и произнесенного в 1968 г. в поселке Кизнер Удмуртской Республики, позволяет сделать определенные выводы. Это цельный, связный, законченный текст, предназначенный для произнесения в разновозрастной аудитории. Жанр – новогодняя речь. В языковом отношении автор проявляет себя как носитель современного русского литературного языка, свободно использует разные функциональные стили речи и риторические приемы. Лексика разнообразна, используются синонимические, антонимические и фразеологические сред-

ства русского языка, в том числе отдельные единицы нелитературных форм речи – просторечия и молодежного жаргона. В половине фрагментов текст строится вокруг антонимического противопоставления *старый – молодой*, представленного и в прямых конструкциях с противопоставлением, и в смысловом объединении двух понятий, когда старый дед называется молодым, и др. Данный антонимический блок по сути дела является «структурно-содержательной единицей текста» [11, с. 112], вокруг которого рождается много разных смыслов.

Рассматриваемый новогодний текст в полной мере является **продуктом русской языковой картины мира**. Об этом свидетельствует общий оптимистический фон сообщений, приоритет внутреннего над внешним, отражение категории пространства на протяжении всего текста, внимание к теме отношений между людьми, юмористичность бытового описания. В речи Деда Мороза происходит последовательное движение от вымысла к реальности, от отвлеченного к конкретному, к фактам и их анализу. Это позволяет преодолевать трудности взаимопонимания, неизбежно возникающие в живом общении между представителями разных поколений, социальных групп и уровней образования. Заметной чертой времени является наличие **подтекстовой информации**, что связано со сформировавшимся навыком советских людей «читать между строк», воспринимая социально значимые скрытые смыслы.

Во многих случаях подтекст поддерживается **яркой юмористичностью** речи. Как пишет И.Ф. Ухванова, «Шутка/юмор не просто случайное (немотивированное) соотнесение неких реалий с известным аудитории словом или образом (вербализация события), а действие вполне позитивное – свободное проявление фантазии, обязательно несущее оптимистическую нотку, рассчитанное на понимание со стороны группы, а значит объединяющее группу вокруг этого эмоционального «фокуса» [25, с. 146]. Григорий Алексеевич мастерски владеет разными приемами создания смешного, в его тексте встречается контекстуальное преобразование фразеологизмов, ирония, усиливаемая столкновением слов разной стилистической окраски, употребление стилистических синонимов и т.д. Автор и в жизни был прекрасным рассказчиком, человеком начитанным, много повидавшим, имевшим ясный и широкий взгляд на мир. Созданный Г.А. Акимовым текст ярко отражает социальную действительность своего времени, русскую речь Предуралья 70-х гг. прошлого века и основные черты традиционной русской языковой картины мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий Б.И. Осипова. Омск, 1995.
2. Алексеева Л.М. (рец.) Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казаринов Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник для вузов по специальности «Филология». Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 534 с. // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001. С. 394-403.
3. Атаманов-Этрапи М.Г. Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015.
4. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казаринов Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.
5. Барулин А.Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 1. М.: Изд-во «Спорт и культура – 2000», 2002.
6. Бельчиков Ю.А. Стилизация // Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 334.
7. Воспоминания А.Н. Белозёрова «Записки районного служащего»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста Б.И. Осипова и Е.С. Ситниковой, предисловие и комментарий Б.И. Осипова. Омск, 2002.
8. Воспоминания работницы М.Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий Б.И. Осипова. Омск, 1997.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
10. Головина Е.В. Лингвистический анализ текста. Оренбург, 2012.
11. Диброва Е.И., Донченко Н.Ю. Поэтические структуры антонимии. М.: С.ПРИНТ, 2000.
12. Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У. Астафьева «Записки изгоя»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста Б.И. Осипова, Л.А. Астафьевой и Н.А. Астафьевой, предисловие и комментарий Б.И. Осипова. Омск, 1998.
13. Драчева Ю.Н. Вологодский Дед Мороз как виртуальная языковая личность // Вестник Вологодского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 1 (8). С. 64- 68.
14. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
15. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

16. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1999.
17. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
18. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
19. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 2000.
20. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство – СПб», 2002.
21. Осипов Б.И. К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи. Т. 1. Развитие языка и методика его преподавания. Омск: ЛИТЕРА, 2014.
22. Осипов Б.И. К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи. Т. 2. История письма и культуры. Омск: ЛИТЕРА, 2015.
23. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 1997.
24. Солдатские воспоминания Н.Ф. Шульгина и Г.П. Еланцева: Публикация и исследование текста / Подготовка текста Б.И. Осипова и Е.С. Ситниковой, предисловие и комментарий Б.И. Осипова. Омск, 2000.
25. Ухванова И.Ф. Юмор в политическом дискурсе печатных СМИ // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: БГУ, 2000. С. 145-151.

Поступила в редакцию 27.07.2023

Шейдаева Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: Sheidaeva@mail.ru

S.G. Sheidayeva

PHILOLOGICAL ANALYSIS OF A TEXT: "FOLK MEMOIRS" AND OTHER GENRES

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1243-1258

The article deals with the theory and practice of philological text analysis; the emphasis is placed on the fact that a text is one of the main objects of study in all philological sciences and, thus, approaches of each of these sciences are combined within the framework of philological analysis. B.I. Osipov's works devoted to the study of "folk memoirs" reflect this area of focus most clearly. We applied the given approach to the analysis of Father Frost's speech written by a rural worker of culture and delivered by the author at a children's matinee in 1968. The speech intended for an audience of different ages (children, nursery teachers, and parents) varies both thematically and in the choice of language means; at the same time it contains an easily read social subtext for adult listeners. The unifying feature of this text is its communicative nature: the author uses direct addresses and statements aimed at provoking a dialogue with an audience, accommodates listeners' interests in selection of topics, and regularly moves from general provisions to specific examples, from fiction to reality. This text is entirely a product of the Russian linguistic picture of the world with its positive reflection of reality, its approval of priority of the internal over the external, its humorousness, etc. Texts of this kind were created (and are still being created) all over Russia: there are sample writings; however, each specific New Year's address contains local speech traits, a reflection of the socio-cultural environment, and a manifestation of the author's personality in the text.

Keywords: Russian language, philological analysis of a text, New Year's speech.

REFERENCES

1. Avtobiographicheskiye zapiski sibirskogo krestianina V.A. Plotnikova: Publikatsiya i issledovaniye teksta [Autobiographical notes of the Siberian peasant V.A. Plotnikov: Text publication and study] / text, foreword and comments prepared by B.I. Osipov. Омск, 1995. (In Russian).
2. Alekseeva L.M. read by Babenko L.G., Vasiliev I.E., Kazarinov Yu.V. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta: Uchebnik dlya vuzov po spetsialnosti "Filologiya" [Linguistic analysis of a literary text: Textbook for universities in the major "Philology"]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2000. P. 534 // Stereotipnost i tvorchestvo v tekste [Stereotypy and creativity in the text]. Perm, 2001, pp. 394–403. (In Russian).
3. Atamanov-Egrapi M.G. Yazyk Zemli Udmurtskoy: istoriko-etimologichesky slovar' toponimov Volgo-Uralskogo regiona [Language of the Udmurt Land: Historical and Etymological Dictionary of Toponyms of the Volga-Ural Region]. Izhevsk, Izhevsk republican publ., 2015. (In Russian).
4. Babenko L.G., Vasiliev I.E., Kazarinov Yu.V. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta [Linguistic analysis of a literary text]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2000. (In Russian).

5. Barulin A.N. Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovyye sistemy, kommunikatsiya. Chast' 1 [Foundations of semiotics. Signs, sign systems, communication. Part 1]. Moscow, 'Sport and Culture – 2000' Publ., 2002. (In Russian).
6. Belchikov Yu.A. Stilizatsiya [Stylization] // Russky yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979. P. 334. (In Russian).
7. Vospominaniya A.N. Belozyorova «Zapiski rayonnogo sluzhashchego»: Publikatsiya i issledovaniye teksta [Memoirs of A. N. Belozerov "Notes of a local servant": Text publication and study] / text prepared by B.I. Osipov and Ye.S. Sitnikova, foreword and comments made by B.I. Osipov. Omsk, 2002. (In Russian).
8. Vospominaniya rabotnitsy M.N. Koltakovoy «Kak ya prozhila zhizn'»: Publikatsiya i issledovaniye teksta [Memoirs of a worker M. N. Koltakova "How I lived my life": Text publication and study] / text, foreword and comments prepared by B.I. Osipov. Omsk, 1997. (In Russian).
9. Galperin I.R. Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. (In Russian).
10. Golovina E.V. Lingvisticheskiy analiz teksta [Linguistic analysis of the text]. Orenburg, 2012. (In Russian).
11. Dibrova E.I., Donchenko N.Yu. Poeticheskiye struktury antonimii [Poetic structures of antonymy]. Moscow, S.PRINT Publ., 2000. (In Russian).
12. Dokumental'naya avtobiograficheskaya povest' sel'skogo uchitelya A.U. Astaf'yeva «Zapiski izgoya»: Publikatsiya i issledovaniye teksta [Documentary autobiographical story of a village teacher A.U. Astafyev "Notes of an outcast": Text publication and study] / text prepared by B.I. Osipov, L.A. Astaf'yeva and N.A. Astaf'yeva, foreword and comments made by B.I. Osipov. Omsk, 1998. (In Russian).
13. Dracheva Yu.N. Vologodskiy Ded Moroz kak virtual'naya yazykovaya lichnost' [Vologda Grandfather Frost as a virtual linguistic personality] // Vestnik Vologodskogo gos. un-ta. Seriya: Gumanitarnyye, obshchestvennyye, pedagogicheskiye nauki. [Bulletin of the Vologda State University. Series: Humanitarian, social, pedagogical sciences]. 2018, No. 1 (8). pp. 64-68. (In Russian).
14. Zamyatin D.N. Kul'tura i prostranstvo: Modelirovaniye geograficheskikh obrazov [Culture and space: Modeling of geographical images]. Moscow, Znak Publ., 2006. (In Russian).
15. Kalutskov V.N. Landshaft v kul'turnoy geografii [Landscape in cultural geography]. Moscow, 2008. (In Russian).
16. Kornilov O.A. Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyie natsional'nykh mentalitetov [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1999. (In Russian).
17. Kubryakova E.S. Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova [Types of language meanings. Semantics of a derivative word]. Moscow, 1981. (In Russian).
18. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. (In Russian).
19. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Russkiy tolkovyi slovar' [Russian explanatory dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 2000. (In Russian).
20. Lotman Yu.M. Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2002. (In Russian).
21. Osipov B.I. K istorii yazyka, pis'ma i kul'tury: Izbrannyye stat'i. T. 1. Razvitiye yazyka i metodika yego prepodavaniya [On the history of language, writing and culture: Selected articles. Vol. 1. Language development and teaching methodology]. Omsk, LITERA Publ., 2014. (In Russian).
22. Osipov B.I. K istorii yazyka, pis'ma i kul'tury: Izbrannyye stat'i. T. 1. Istoriya pis'ma i kul'tury [On the history of language, writing and culture: Selected articles. Vol. 1. History of writing and culture]. Omsk, LITERA Publ., 2014. (In Russian).
23. Solganik G.Ya. Stilistika teksta: Ucheb. posobiye [Text style: Study guide]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 1997. (In Russian).
24. Soldatskiye vospominaniya N. F. Shul'gina i G. P. Yelantseva: Publikatsiya i issledovaniye teksta [Soldier's memories of N.F. Shulgin and G.P. Elantsev: Text publication and study] / text prepared by B.I. Osipov and Ye.S. Sitnikova, foreword and comments made by B.I. Osipov. Omsk, 2000. (In Russian).
25. Ukhvanova I.F. Yumor v politicheskom diskurse pechatnykh SMI [Humor in the political discourse of the printed media] // Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: Aktual'nyye problemy soderzhatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov. Vyp. 2 [Political discourse research methodology: Topical issues of the content analysis of socio-political texts. Issue 2] / Compiled and edited by I. F. Ukhvanova-Shmygova. Minsk, BGU [Belarusian State University] Publ., 2000. pp. 145-151. (In Russian).

Received 27.07.2023

Sheidayeva S.G., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: Sheidaeva@mail.ru